

На лице Хэ Линьюаня промелькнула паника.

— Я не хочу, чтобы бабушка беспокоилась на том свете, — продолжил Лу Цзинъи. — Господин Хэ, Цянь Ии в своё время кого-то ударила ножом, а вы даже не спросили, чью почку пожертвовали. Это была почка самого Сяошаня. Раз так, не находите ли вы, что ваше появление сейчас выглядит смешным?

Смешно?

Естественно, смешно. В те годы он всячески защищал Цянь Ии, говорил, что компенсирует Чу Шаню, но не сделал ничего реального. Неудивительно, что старуха не верила ему до самой смерти. В последнее время он постоянно следил за Чу Шанем, видел, как тот вместе с Лу Цзинъи появляется на людях, и его сердце разрывалось на части снова и снова. Хэ Линьюань думал, что это уже предел боли, но, услышав это из уст Лу Цзинъи, он испытал новые страдания. Он всегда считал себя незаурядным человеком, но если подумать, то большинство того, что он принёс Чу Шаню, было болью и бедами, а Лу Цзинъи, которого он презирал, смог вместо Чу Шаня организовать похороны и установить траурный зал. Только в этом он проиграл в пух и прах.

Так какое же у него право было снова разрушать счастье Чу Шаня?

Хэ Линьюань наконец понял, что все эти прошедшие годы он любил Чу Шаня, но больше всего любил всё-таки себя. Гу Янь тоже был прав: никто не вечно ждёт на одном месте.

— Я хочу... — Хэ Линьюань глубоко вдохнул. — Зажечь благовония для бабушки.

Чу Шань слегка повернул голову:

— Зажжёшь и проваливай.

Хэ Линьюань действительно должен был извиниться перед бабушкой.

Лу Цзинъи смотрел на него глубоко и спокойно, защищая Чу Шаня, но ничего не сказал.

Линь Су тихо фыркнул:

— Рано спохватился.

Гу Янь развёл руками: его ребёнок выражал отвращение к Хэ Линьюаню, совершенно не скрывая этого.

Хэ Линьюань понимал, что здесь его не ждали, поэтому почтительно зажёл благовония, трижды поклонился, не посмев взглянуть на Чу Шаня, и развернулся, чтобы уйти.

Смерть бабушки стала для Чу Шаня тяжёлым ударом. Первые два-три дня юноша почти не разговаривал. Лу Цзинъи ничего не мог поделать и попросил Линь Су чаще приходить посидеть с ним, ведь за все эти годы единственным человеком, с кем Чу Шань мог поговорить по душам, был только Линь Су.

Линь Су с радостью согласился, и Лу Цзинъи даже отдал ему ключи от дома.

Линь Су купил овощей, открыл дверь и увидел, что Чу Шань, завернувшись в плед, смотрит в окно. Пока он менял обувь, он спросил:

— Что будешь есть?

Чу Шань очнулся, собрался было улыбнуться, но услышал тихий голос Линь Су:

— Если не хочется улыбаться — не улыбайся.

Чу Шань замер на секунду, уголки рта опустились. Его выражение лица было спокойным, но грусть всё ещё не рассеялась:

— Готовь что-нибудь, я не привередлив.

Линь Су отозвался, положил стручковую фасоль на стол, взял мусорное ведро и начал чистить овощи. Его движения были ловкими, пальцы — белыми и ухоженными, словно нефрит, было видно, что Гу Янь вложил в это много души. Чу Шань смотрел на него несколько секунд и не удержался:

— В твоей прежней семье, кроме Линь Юй, кто ещё остался?

— Линь Чан, папа Линь Юй, — ответил Линь Су. — Но он сбежал, даже старый дом продал.

— Совсем не человек, — выругался Чу Шань.

— Ага, — Линь Су говорил спокойно, словно о чужой семье. — К счастью, сейчас Сяюй живёт у Яня, его мама относится к ней как к родной дочери, одевает и кормит её наилучшим образом.

Чу Шань:

— Почему не оставил её у себя?

Пальцы Линь Су на мгновение замерли:

— Я не очень умею заниматься детьми, у Сяюй проблемы с психологией. Это была только половина правды. Другая половина заключалась в том, что тогда Линь Су боялся, боялся снова доставить неприятности Гу Яню. Если бы он не был уверен, что мама Яня искренне полюбила Линь Юй, он бы, возможно, увёз её и жил отдельно. Что ещё важнее, в то время у самого Линь Су были проблемы. Только сейчас, когда Гу Янь несколько лет держал его на ладони, он вдруг осознал, что в то время бесчисленное количество раз был на волосок от смерти. Возможно, если бы вдруг где-то внутри оборвалась струна, Линь Су нашёл бы место, чтобы покончить с собой. Дело было не в трусости, а в том, что жизнь была слишком угнетающей, угнетающей до онемения, в жизни не было видно надежды, а смерть казалась очищением.

— Не ожидал, — Чу Шань закивал. — Гу Янь ещё как умеет заботиться.

При упоминании Гу Яня в спокойных глазах Линь Су постепенно начала появляться улыбка, они наполнились сложными и прекрасными красками:

— Угу, брат Янь очень ко мне добр.

У Чу Шаня дернулся глазок. Добр? Гу Янь, казалось, хотел бы носить Линь Су у себя во рту.

— Сиди, — Линь Су закончил чистить фасоль. — Я пойду жарить овощи и варить лапшу.

Чу Шань отозвался, достал из-под стола пачку мягких конфет со вкусом клубники:

— Будешь?

Линь Су слегка приподнял бровь.

Чу Шань вздохнул:

— Ты же постоянно приходишь со мной поболтать. Позавчера Гу Янь мне их дал, он боится, что у тебя упадёт сахар в крови.

Линь Су взял одну конфету, его ушки слегка покраснели, и он отправился на кухню.

Чу Шань в полном отчаянии откинулся на диван. Способ Гу Яня «издеваться над одинокими» мог довести до бешенства любого человека, оказавшегося в безвыходном положении. Правда, по крайней мере, сейчас ему было не так грустно.

Возможно, потому, что у самого него теперь появились такие чувства, и он больше не был одиноким и безнадёжным человеком.

Гу Янь пришёл после пар, неся в руках горячие каштаны. Только он открыл дверь, как по комнате разнёсся аромат.

— Ой, откуда ты знал, что я люблю каштаны? — Чу Шань с нетерпением потянулся к пакету.

Гу Янь сдержал порыв пнуть его, ладно, раз уж тот столкнулся с большим горем в жизни, он не будет ссориться.

— Где Линь Су? — спросил Гу Янь.

— На кухне, — Чу Шань почистил один каштан и бросил в рот. — Ого! Сладкий!

Гу Янь осмотрел его:

— Вижу, ты уже почти восстановился. А Линь Су я...

— У меня в последнее время постоянно болит голова, — слабым голосом произнёс Чу Шань, хотя чистил каштаны очень ловко. — Я хочу поболтать с Линь Су.

Гу Янь:

... Нет, потом нужно будет найти Лу Цзинъи и взыскать с него часть долга.

Доктор Лу считался главным врачом, и в таком возрасте занять эту должность означало иметь безграничное будущее. Раньше, пока не было Чу Шаня, Лу Цзинъи отвечал на чужое внимание, не потому что ему это нравилось или потому что он был «общим любимцем», а просто от скуки. Но с тех пор как Чу Шань переехал к нему и их тела и души соединились, Лу Цзинъи стал эталонным хорошим мужчиной и на чужие ухаживания жалел даже взгляда.

После ужина Чу Шань и Линь Су ушли в спальню играть в игры, а Гу Янь сел в гостиной, слушая крики Чу Шаня и одновременно разбирая рабочие вопросы по телефону.

Когда зазвонил дверной звонок, Гу Янь подумал, что это Лу Цзинъи, но не ожидал увидеть женщину, которую раньше никогда не видел.

Увидев Гу Яня, она на мгновение замерла, в глазах промелькнуло скрытое восхищение, её

исходящая наглость сразу угасла, и тон с трудом удерживал напористость:

— Ты Чу Шань?

Гу Янь слегка нахмурился, но тут же понял, в чём дело, и решил, что охранные мероприятия Лу Цзинъи на низком уровне. На лице он ничего не показал и в ответ спросил:

— А вы кто?

Женщина, видимо, только сейчас вспомнила, зачем пришла, и постепенно успокоилась. Она достала карту из сумки, усыпанной стразами:

— Вот это тебе, здесь 300 000, этого хватит, чтобы беззаботно жить долгое время. Условие только одно: уйди от Лу Цзинъи.

Гу Яня это ошарашило.

Небеса свидетельствуют, это был первый раз в его жизни, когда ему предлагали деньги. Хотя он прикрывал Чу Шаня, но эти 300 000 были слишком ничтожной суммой, чтобы о них всерьёз говорить!!!

Как живут обычные люди, Гу Янь не знал, но всего 300 000 ему даже не хватило бы, чтобы купить Линь Су гардероб на один сезон. Это понты были действительно нищесборскими.

В душе Гу Янь презирал это, на лице это выглядело ещё больше презрения. Он прислонился к двери, излучая хулиганский нрав:

— 300 000? Даже 3 000 000 я бы не рассмотрел. У Лу Цзинъи безграничное будущее, его годовой доход уже давно больше 300 000. Ты что, над нами смеешься?

— Ты! — женщина сразу изменилась в лице, указывая на Гу Яня пальцем:

— Ты гонишься из-за денег Лу Цзинъи!

Гу Янь нахмурился:

— Убери руку!

Сердце женщины забилося, она инстинктивно опустила руку, а после того как сделала, спохватилась и с унижением прикусила губу.

В этот момент открылись двери лифта, и Лу Цзинъи, выглядевший уставшим, вышел оттуда. Увидев картину у двери, он мгновенно проснулся.

— Доктор Лу, — женщина не ожидала, что её застанут, немного нервничала, но затем, словно вспомнив о чём-то, сказала с праведным видом:

— Доктор Лу, этот человек ради ваших денег! Не дайте себя обмануть!

Лу Цзинъи тоже был в шоке.

Гу Янь ради его денег?! Даже если сложить все деньги, которые он заработал хакером за эти годы, Гу Яню на них было бы плевать.

— Да, — Гу Янь усмехнулся. — Я, Чу Шань, сегодня решил жить на шее у Лу Цзинъи, видишь? Он показал часы, которые купил ему Линь Су:

— Новые, почти за 10 000. Я только сказал, что хочу, и Лу Цзинъи даже глазом не моргнул, вытащил деньги. Что ты мне сделаешь?

На самом деле это было не так. Если бы Лу Цзинъи купил Чу Шаню часы за 10 000, Чу Шань тут же побежал бы возвращать их по чеку.

<http://bllate.org/book/16799/1565144>